

БЫЛОЕ

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

АЛЕКСАНДРА
ГЕРАСИМОВНА ПАСТУХОВА

Качканар 2000

МИТЯ

Учительница раскрыла журнал, оглядела класс:

– Шиляев!

На задней парте что-то падает. Затем из-под парты появляется голова и сам Митя Шиляев, маленький, худенький мальчик. Серый ежик волос торчит во все стороны. И рубашка на нем тоже серая. Другой мы не видали. В классе так и звали его – Серенький Ежик.

Предвкушая Митины тягучие ответы, мы, третьеклассники, оживляемся, забывая, что и нас могут спросить.

– Расскажи нам, Митя, как жили рабочие и крестьяне в царской России.

Мальчик какое-то время молчит, потом глухо произносит:

– Плохо, – подумав, добавляет: – очень плохо.

– А ты подробней.

– Рабочие и крестьяне в царской России жили очень плохо, – Митя даже вздохнул, выговорив такую длинную фразу.

– Ну, ну, рассказывай дальше: как же они жили?

– Голодали они, ись им было нечего... Оболочки тоже не было, – мальчик обречено уставился в парту и замолчал.

– Ты дома-то учил?

– Читал...

– Садись, – говорит учительница.

Митя тихо опускается. Успокоившись, что больше не спросят, он достает из холщовой сумки крашеное черное яйцо, задумчиво катает по парте.

– Шиляев! Чем ты занят? – учительница подходит и берет яйцо. – Вы что, Пасху празднуете?

Шла Пасхальная неделя.

– Но почему яйцо черное? Разве черным красят?

Митя еще ниже склоняется над партой и плачет.

– Что же ты, Митя? – учительница отдает ему яйцо.

– Бабушка вчера померла... Мама яйца... черные...

Учительница отворачивается и долго смотрит в окно. Потом говорит тихо:

– Иди домой, Митя...

Осенью Митя в школу не пришел. Умер Митя. Шел голодный
1933 год.

ЕСТЬ ХОЧЕТСЯ

Мы начали изучать немецкий язык. Учительница читала текст по-латыни, а мы переводили.

- Дэр циммер ист гросс унд хелл.
- Комната большая и светлая!
- Роте фане?
- Красное знамя.
- Ес лебе зовет Руслянд.

Мы не успеваем перевести, как на весь класс слышится отчетливый шепот:

- Без хлеба живет Руслянд!

Это Вовка Жвакин, мальчишка отчаянный, со злым юмором. Умел все подметить по-своему.

Учительница посмотрела укоризненно, но ничего не сказала. Стала просто называть отдельные предметы.

А у меня застряла в голове Вовкина реплика "без хлеба". Так некстати. Хочется есть. В этом месяце я не внесла деньги на горячие завтраки. Их приносят в класс в большую перемену. Я убегаю и не показываюсь до звонка на урок. Потому что учительница ставила мне на парту "лишнюю" порцию. Делала она это от доброты. Но я стеснялась этой бесплатной подачи.

Иду домой. Кружится голова. Еще больше от сознания: сегодня дома опять нет хлеба. И бывает это часто. И не только у нас. По всей нашей большой стране. Много жизней унес голод. Вот и Митя, маленькая песчинка ее.

ЗАЧЕМ ЕХАЛ?

Их видели многие, эту лошадь, телегу и странного возницу. Лошадь шла медленно, еле переставляя ноги. Тихонько поскрипывала телега. Возница сидел, чуть склонившись вперед, как бы держась за что-то. Опущенные поводья лежала рядом. Никем не подгоняемая коняга и совсем остановилась, уткнувшись в чей-то забор. Прохожие видят: стоит лошадь. Ну, уснул мужик, пусть себе поспит.

Уже под вечер вышел хозяин калитку запереть. Выглянул беспокойно: чего это они тут? А подошел ближе – и отпрянул. Окостенелый взгляд возницы был неподвижен. Рот перекошен набок.

Побежал мужик, привел милиционеров. Народ, как всегда, набежал. Доктора вызвали. Когда стали снимать покойника с телеги, то одна рука его застыла скрюченной на веревке. Веревкой-то был узел обвязан. Ну, конечно, и узлом заинтересовались, что там.

Развязали. Малец лет пяти, синенький, тоже холодненький. Милиционер у возницы бумагу какую-то за пазухой нашарил. Но только сам просмотрел и спрятал. Никому не показал. Увели и лошадь с телегой. Народ, как водится, поохал, посудачил. Зачем ехал в город с младенцем мертвеньким? Да с тем и разошелся. Каждый навидался всякого. Трудное времечко.

ДИКАЯ ИСТОРИЯ

Анна задержалась на работе. Пришла домой, когда во дворе уже сгущались сумерки. Две девочки—подростка и шестилетний мальчик радостно встретили мать. Анна стала поспешно собирать немудреный ужин. Достала из печи чугунок с пареной брюквой, аккуратно разрезала небольшую краюшку тяжелого, напололам со жмыхом, черного хлеба на четыре равные ломтика. Девочки уже сидели за столом. Женщина оглянулась, ища глазами сына. Но Ильюшки не увидела. Где же он, недоумевала Анна. Вышла на крыльцо.

– Илька! Илька! – встревожено звала она. Девочки тоже выбежали вслед за матерью. Все трое обежали вокруг дома, обыскали огород, сарайку. Нет Ильюшки. На голоса стали собираться соседи. Круг поисков расширился. Весь поселок был уже на ногах. Осмотрели ближайшие колодцы. Но они были хорошо закрыты. Долго еще слышались тревожные голоса в наступившей ночи.

Прибывшие утром работники районной милиции исходили весь поселок. Но никаких следов мальчика не нашли. Долго еще странное событие будоражило маленький поселок. Для Анны эта августовская ночь 1933 года стала началом отсчета горьких дней, а затем и лет.

Двадцать долгих лет минуло с той ночи. Восемь лет как окончилась война. Повзрослевшие дочери живут в городе, с семьями. Живет Анна одна в своей избушке. Тупая, неизбывная боль сделала ее нелюдимой. Разговоров о пропавшем сыне старается избегать. Да и не много осталось в поселке жителей, кто еще помнил тот загадочный случай.

Но как ни старалась Анна забыть, не ворошить прошлое, оно явилось само. Злое, жестокое.

В такую же августовскую сумерть, как много лет назад, раздался стук в раму. Анна погасила свет, подошла к окну, взгляделась.

— Клавдия? Ты? – опросила неуверенно. Было чему удивиться. Еще задолго до войны соседка, крепко заколотив окна, повесила на дверь большой амбарный замок и никому ничего не сказав, исчезла из поселка.

Никто особо о ней и не вспоминал. Дряхлая, покосившаяся с годами ее хата.

– Я. Пустишь что ль?

Войдя, Клавдия села на лавку, не снимая надвинутого на лоб теплого платка, Тупо уставилась в одну точку. Анна засуетилась, стала собирать на стол. Между делом спрашивала, где та была все эти годы. Клавдия отвечала отрывисто, неохотно, а потом и совсем замолчала. Сидела неподвижно, рассматривая свои руки. Анна заметила, как у Клавдии дергается левое веко. Неспроста все это, подумала она, и поздний визит и угрюмый вид бывшей соседки. Разговора не получалось. Стояла нетронутой еда. Ночь. Тревожная тишина. И вдруг тяжелые, как будто насильно вытолкнутые слова:

– Погаси свет, Анна! Глаза мои режет он!

– Что так?.. – начала, было, Анна.

– Сказала ведь, режет, душу жжет! Затем и к тебе пришла. Сцепив пальцы, Клавдия заговорила сдавленным голосом:

– Не могу больше, все скажу. Повиниться пришла. От муки вечной избавиться. Прости меня, Анна, аль убей...

Еще ничего, не поняв из ее сумбурной речи, Анна почувствовала что-то страшное в ее словах. Холод пробежал по телу. Она рванулась к Клавдии:

– Говори!

– Я убила.

Имени произнесено не было. Жуткое безмолвие повисло в горнице. Одна сказала все. Другая не в силах что-либо произнести.

– Как? – голос Анны сел до шепота.

– Скажу, – так же тихо выдохнула пришедшая.

...Мать собирала на стол, когда мальчик выбежал на крыльцо. Пробежала кошка. Он бросил вдогонку мяч. А потом пошел за мячом. Нашел его в лопухах у соседнего дома...

Она вышла закрыть ставни. Время—то было тревожное. Опираясь на клюшку, подошла к окну и вдруг замерла. В лопухах что—то шевельнулось. Не раздумывая, замахнулась. Тяжелая железная клюшка глухо ударилась обо что—то. Пересилив страх, осторожно раздвинула широкие листья.

Мальчик лежал, уткнувшись лицом в землю. В падающем из окна свете голубела рубашка. На светлых волосиках растекалось темное пятно... Рядом валялся резиновый мяч. Торопливо отнесла ребенка в избу и спрятала. Прихватила и мяч. Рано на рассвете осмотрела то место. Запачканную траву повырывала, перемешала землю.

Теперь Анна знала все. Вот оно. прошлое, вернулось, чтобы нанести еще один удар.

— Где же? — с трудом выговорила она. — В сенцах, — Клавдия еле раздвинула губы. Тяжело поднялась и, не взглянув на хозяйку, вышла.

Утром на рассвете вой подняли собаки. Но Клавдии было уже все равно. Ее остывший труп лежал у двери ее дома.

...Из-под пола в сенях извлекли засыпанные землей истлевшие клеенку и завернутую в нее голову. И отдельно уже распавшийся узел с костями. Странно все это. Невероятно. И страшно. Не всю правду сказала Клавдия.